

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Над десятками миллионов большевицких убийств каким-то страшным, символическим рекордом, непревзойденным по своей гнусности «высшим достижением» большевизма - маячит и будет маячить в веках убийство Государя Императора и его Семьи.

Здесь нельзя говорить даже о расстреле - эта казнь предполагает суд. Людовик XVI предстал перед каким-то - пусть и неправомочным, но все-таки судом. Людовику были предъявлены какие-то - не совсем уж вымышленные - обвинения в сношениях с «иностранными интервентами» и в попытке отстоять свой престол штыками иностранных монархов. Николай II никаких «интервенций» не предпринимал. Ни в каких «заговорах против республики» не участвовал. Никаких обвинений ему предъявлено не было, и никаким судом он судим не был. Это было убийство - исключительное по своей жестокости и гнусности: убийство детей на глазах отца, и матери - на глазах детей. Это убийство лежит тяжелым и кровавым пятном на совести русского народа, и в особенности на совести тех, кто в свое время был близок к Государю. Не потому, что народ или эти круги участвовали в убийстве, а потому, что ничего не было предпринято для спасения человека, который так просто, так безропотно сложил с себя власть и вверил свою судьбу и судьбу своей Семьи русскому народу. Народ не сумел оправдать этого доверия. Народ виноват в этом меньше, чем его верхи.

Помню: обретаясь более или менее в «низах народа», я все предполагал, что где-то, в ближайшем окружении Государя, есть некто толковый и преданный, кто не допустит дальнейшего издевательства над Государем и его Семейей. Кто нам, «низам», в нужный момент отдаст какой-то приказ, скажет, что нужно делать? Никого не оказалось. Никто ничего не сказал. То пресловутое «средостение», которое устами «августейших салонов» - выражаясь языком «Царского вестника» - пускало гнуснейшие сплетни о Царской Семейей, то «средостение», которое рукой Дмитрия Павловича бабахнуло первую пулю нашей «великой и бескровной» и остатки которого в эти дни с похоронными минами будут стоять на панихидах и делать вид, что молятся за упокой души Царственного Мученика, - это средостение вильнуло хвостом и исчезло в политическое небытие. Царь и Его Семейя были предоставлены во власть озверелого совдепа. Ничто для их спасения предпринято не было. В этом и наша с вами, господа штабс-капитаны, вина.

О личности и о царствовании Николая II уже написаны десятки томов и, вероятно, будут еще написаны десятки тысяч. Слишком трагична - и индивидуально и исторически - судьба этого человека и связанная с ней судьба России. Слишком заманчив для романиста элемент «рока», элемент иррациональности в этой судьбе - начиная с сабельного удара японского самурая, через Ходынку, болезнь Наследника, через Распутина, через «трусость и

предательство», сплетни и «гнуснейшие инсинуации», неудачные войны, отречение и, наконец, до трагической гибели в екатеринбургском подвале. Я не собираюсь писать никаких мемуаров: покойного Государя я видел всего два раза в жизни - и видел его, так сказать, с низов. Но, может быть, эти отрывочные воспоминания представят некоторый интерес... хотя бы для будущего романиста.

Первый раз это было в дни трехсотлетия Дома Романовых на Невском проспекте. Я был, так сказать, в состоянии толпы, сквозь которую - без всякой охраны, но с большим трудом - пробивалась коляска Государя. Со мною рядом стояли два моих товарища по университету: один - левый эсер, другой - член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное «ура» - и оба моих товарища кричали тоже «ура» во всю силу своих молодых легких: обаяние русского Царя перевесило партийные программы. Я не кричал «ура» - кажется, никогда не кричал в своей жизни. Я всматривался в лицо Этого Человека, на плечи которого «случайность рождения», возложила такую страшную ответственность за судьбу гигантской Империи. В его жестах было что-то ощупывающее и осторожное: как будто он боялся - привык уже бояться, - что малейшая неосторожность может иметь необозримые последствия для судеб ста восьмидесяти миллионов людей... Вероятно, было и еще что-то - чего я тогда не заметил: мысль о том, что из-за сплошной стены этих восторженных лиц может протянуться рука, вооруженная браунингом или бомбой.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству. Мой пэпээсовский (ППС - польская партия социалистическая) приятель несколько конфузливо, как бы оправдываясь перед моей невысказанной иронией, сказал: - А симпатичный все-таки бурш. Почему он сказал «бурш» - я этого не знаю. Вероятно, не знает и он сам - нужно же было что-то сказать. Двадцать один год спустя этот товарищ - поляк, и сейчас не так чтобы очень социалист, - переслал мне, заведомому и неизлечимому монархисту, из Польши в Гельсингфорс, почти тотчас же после нашего побега, свою финансовую помощь. Без помощи мы бы голодали, как в концлагере... Но это к теме не относится...

Второй раз это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уже «в низах». Издавал газету «Северо-западная жизнь» и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после нее Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них он стал на колени - и на подметке его сапога я увидел крупную и совершенно ясно заметную заплатку.

Заплата совсем не вязалась с представлениями о русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала все-таки казаться плодом моего воображения. Только в прошлом году, в Софии, я в разговоре с отцом Г. Шавельским, который хорошо знал Царскую Семью, вопросительно упомянул об этой заплате: была ли она возможной? Отец Георгий рассказал мне несколько

немного смешных и очень трогательных анекдотов о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестер.

Эта заплата стала неким символом - символом большой личной скромности. И с другой стороны - большой личной трагедии. Царская Семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-санинских времен это называлось мещанством. Та группа («первая группа» - по терминологии «Царского вестника»), которая уже по социальному своему происхождению стояла выше всякого «мещанства», пускала слухи о распутинских оргиях в Царском дворце - «первая группа», которая ныне официально простила первой советской партии убийство Царской Семьи и столь же официально возглавляет вторую советскую партию. Так, как будто обе советские партии только и были озабочены: первая - чтобы расчистить путь этой «группе» и вторая - чтобы привести ее к власти... Что же касается Распутина - то его еще нужно очистить и от великосветских сплетен, и от голливудского налета. В данном случае «частная жизнь» была вывернута наизнанку, заляпана грязью, «инсинуациями самого грязного свойства», и в этом виде «доведена до сознания народных масс». Можно сказать, что Ее Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь - заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тягчайших страданий - но сплетня продолжает свое победное шествие. По крайней мере, по нашему зарубежью... Меняются объекты и приемы, но сама она остается вечно девственной и юной.

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть потому, что не до нее. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс - в особенности крестьянства - образ Николая II сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик, заплативший жизнью за свою верность России, за верность тому слову, которое он дал от имени России, и проданный своим «средостением». О жизни и о гибели Государя ходит масса слухов - в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. И именем Государя как бы возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю Русскую, в который каждый день сталинской власти вписывает новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя-Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власть имущих, что его ни в какой подвал не затащишь.

И. Л. Солоневич.

Из сборника статей, изданного в Шанхае в 1942 году.

По материалам сайта "Голос совести"